

Л. Н. Дорогова

К вопросу о формировании государственной культурной политики (на материале западноевропейской культуры Нового времени)

*Дорогова Людмила Николаевна, доктор фило-
софских наук, профессор кафедры культурологи
РГСУ.*

К вопросам культурной политики в современной научной литературе обращается огромное число исследователей [1]. Начиная с первых лет «перестройки», меняется отношение государства к институтам образования, науки, сфере досуга, музейной практи-

ке, статусу сельских и районных, городских библиотек, финансированию отрасли в целом. С особой остротой воспринимались общественностью результаты деятельности новой политической элиты, пришедшей к власти в 1991 г., связанные с проявившейся тенденцией к разгосударствлению объектов культуры (вплоть до сельских библиотек, которые в иных селах собирались крестьянами с дореволюционных времен).

Этот процесс – явление обратное процессу огосударствления. Огосударствление есть ни что иное, как процесс подчинения интересам государства разрозненных сообществ свободных создателей культурных ценностей, преобразования их независимых объединений в специализированные социальные институты, подчиненные интересам государства.

Процесс огосударствления сферы культуры имеет свою длительную историю, и с культурологической точки зрения оказывается весьма поучительной.

Предметом анализа в настоящей статье является процесс сознательного и планомерного сплочения разнородных элементов и носителей духовной культуры вокруг единого политического центра – королевских дворов. Этот процесс будет рассмотрен на материале культуры отдельных европейских стран в Новое время. При этом временной отрезок, называемый Новым временем, укладывается в хронологические границы XVI-XIX вв. В исторической науке нет единого мнения по вопросу о границах Нового времени, именно с таким положением дел и связано данное уточнение.

Преобразования начинаются с социально-экономической сферы, и они в этот период были предопределены развитием капиталистических производственных отношений, зарождением нового общественно-го класса – буржуазии. Ростки капитализма появляются в некоторых странах Западной Европы уже в конце XV – начале XVI вв. Основными сферами приложения сил и полем деятельности капитала становятся как внутренняя, так и мировая торговля. Этому содействовали географические открытия и колониальная политика, а разрыванию внутригосударственной торговли способствовало уничтожение внутригосударственных таможенных барьеров в связи с преодолением феодальной раздробленности и введением государственной администрации в регионах стран.

С социально-политической точки зрения начальные шаги абсолютизма были связаны с преобразованием властных отношений и датируются в разных странах по-разному. В Англии их связывают с воцарением Тюдоров (1485 г.), во Франции с царствованием Людовика XI (1461-1483), в Испании с воцарением королей Кастилии и Арагонии (1479). В Италии в различных маленьких государственных образованиях появляются признаки таких форм правления также в XV (дом Медичи во Флоренции, Сфорца в Милане и др.).

На следующие века, то есть XVI-XVIII вв., пришлось наиболее бурные события по окончательному «реформированию» государственного управления в западноевропейских странах. В это время происходит не только укрепление центральной власти, но и формирование национальной государственности, внедрение элементов государственного управления в разные сферы деятельности, в том числе и в сферу культуры. Причем, этот процесс, несмотря на длительный срок преобразований, тем не менее, по прошествии нескольких столетий, приобретает черты последовательной системы государственных мер, связанных с самыми разными объектами государственного регулирования [2]. К XVIII в. организационные возможности абсолютизма оказываются исчерпанными, он становится тормозом на пути дальнейшего общественного развития. Это и привело к революционным событиям, введениям конституционных ограничений абсолютистских властей, а в ряде стран к свержению монархических режимов.

Однако в самом начале своего становления абсолютизм преодолевал не только территориальную раздробленность, которая была наследием средневековых установлений, но и осуществлял сплочение социально-дифференцированного общества. Получили развитие такие нравственные чувства, как патриотизм, верность королю, как символу единства государства, чувство национальной принадлежности, то есть всего того, что консолидирует общество. Следовательно, линия политического поведения, властей, и линия поведения – общественных сил, людей разных сословий, в данное время были относительно однонаправлены.

На первых этапах своего существования политические, еще не полностью абсолютистские режимы стремились к формированию устойчивой социальной пирамиды, прочно поддерживающей трон, для чего были разработаны особые меры для каждого отдельного сословия.

Для большей прочности опоры абсолютистской власти – для потомственных аристократов (феодалов) были разработаны меры, которые со временем сплотили вокруг трона это сословие. На начальном этапе преобразований оно еще имело в своих рядах значительную часть богатых, независимых от королевских фамилий родовитых, потомственных феодалов, часть из которых оказывала жесткое сопротивление осуществлявшимся реформам. Среди них были «принцы крови», имевшие огромные земельные владения, армию. Они в своих владениях печатали деньги, устанавливали и собирали налоги, издавали законы, вели частые войны внутри государства. Поэтому первыми мерами, принятыми королями, были насильственные действия по запрещению внутренних войн, разоружению войск феодалов, и даже уничтожению замков, как оборонительных сооружений, расположенных вдали от границ государства (во Франции это было предпринято по настоянию кардинала Ришелье). Часть земель, некогда розданных королями в услуги за службу, были возвращены в фонд королей. Сопротивление недовольных подавлялось. Были лишены самостоятельности свободные города и университеты, с помощью учреждения в них королевских административных учреждений. Такими мерами короли увеличивали собственные владения как экономический резерв, очищали путь для снятия налогового бремени с транзитной торговли, формировали условия для появления единого валютного и налогового пространства, развития внешней и внутренней торговли [3].

Дальнейшие действия королевских властей по отношению к части подданных проявились в двойственной «кадровой» политике. С одной стороны, они были связаны с «приручением» феодалов, что проявилось в ряде мер, создающих для них «престижные условия» пребывания при королевских дворах. С другой стороны, скрытым отстранением их от активной политической жизни государства, благодаря привлечению на службу королю и государству грамотных и энергичных выходцев из третьего сословия. Для этих целей выдвигается идея служения государству как условие дворянского достоинства. Из подданных была создана прочная, но неоднородная пирамида, были разработаны документы, ставшие прототипом отечественной «Табели о рангах», так называемое расписание чинов. В этих документах узаконивалось новое дворянство – дворянство «мантлии», в отличие от наследственного дворянства «шпаги», прописывались способы регламентации поведения в обществе и при дворе, вводилось деление на ранги, ужесточалось прикрепление к сословиям и другое.

В этом же документе прописывались условия получения звания «дворянин». Меры, связанные с подчинением родовой аристократии и нового дворянства королевским дворам, включали в себя и этикетные предписания. Они представляли собой систему правил, обязательных для выполнения, и закрепленных в специальных документах, составляемых при королевских дворах. Их главной целью было формирование привычки к унифицированному поведению как средству сословной дифференциации в обществе. Требования этикета были своего рода индикатором сословной принадлежности. Они распространялись не только на поведение, но и на язык, одежду, эстетические вкусы, моду, художественные предпочтения, времяпрепровождение и др. В повседневные действия французского королевского двора, предписанные этикетом, была включена масса людей [4].

Королевские власти, приобщая к участию в государственном управлении выходцев из третьего сословия, делали из них послушное орудие внутренней политики и проводников своей политической линии, формируя особую социальную силу – чиновничий аппарат. С помощью этой силы решалась двойная задача: постепенное устранение от важнейших государственных дел родовой аристократии, служившей тормозом на пути преобразований, и формирование зависимой от трона (как работодателя), послушной прос-

лойки, руководствующейся не сословными соображениями, а предписаниями. Чиновничество действовало от лица государства, получало свои полномочия от центральной власти, подчинялось требованиям циркуляров и приказов, а потому было внесословно и внационально. Перед лицом этой новой силы начинают терять свое значение все прежние корпорации, объединения, игравшие огромную роль в местном самоуправлении (цеховые корпорации, университетские советы, городское самоуправление и т.п.).

Применительно к духовенству также существовала определенная линия политического поведения. Духовенство являлось одним из привилегированных социальных слоев во всех странах Европы. В XVII в. во Франции насчитывалось 130 тыс. лиц духовного звания, которым принадлежала 1/5 часть земель [5].

В середине XVII в. в Испании насчитывалось до 200 тыс. священников в 68 епархиях, 120 тыс. церквей и часовен, 9 тыс. мужских монастырей с 70 тыс. монахами, 3 тыс. женских монастырей с 25 тыс. монахинями. Доходы духовенства, особенно его высших представителей, достигали колоссальных размеров. Богатство церкви и образ жизни монахов привлекали в Испании в стены монастырей простых людей. В определенный период до 6 тыс. человек ежегодно в этой стране уходило в монастыри [6]. Полагают, что ? всего населения страны в этот период принадлежала к духовенству [7].

Церковь была не только богатейшим, но и независимым от дворов феодалом. Католические короли, будучи помазанными на престол римским папой, не были свободны в своих действиях, вынуждены были часто испрашивать у них разрешения на различные предприятия. В итоге по отношению к католической церкви вырабатываются меры, повлекшие за собой отпадение той или иной страны от Ватикана. Так было с протестантскими странами. Но и короли-католики (испанские короли Фердинанд и Изабелла) добились права рекомендовать на те или иные церковные должности людей, верных себе.

В ряде протестантских стран Западной Европы (Англия, Нидерланды, Швеция, Дания, Норвегия, некоторые княжества Германии, Швейцария) после того, как в XVI в. там прошли волны реформационных движений, утвердилась практика назначения королями этих государств или правителями земель глав протестантских церквей. В некоторых немецких протестантских княжествах главы этих государственных образований возлагали на себя обязанности епископов. На службе у такого князя-епископа служил композитор Моцарт. Там, где было упразднено подчинение Ватикану, осуществлялась конфискация монастырского имущества, распускались монастыри, ликвидировались странствующие монашеские ордена доминиканцев и францисканцев (в Англии при Генрихе VIII было упразднено 8 монастырей; около 5 тыс. монахов, 1600 «нищенствующих братьев», 2 тыс. монахинь получили, говоря современным языком «выходное пособие» и стали мирянами). Было ликвидировано безбрачие духовенства [8].

Изменилось отношение светских властей и к монашеским орденам, особенно нищенствующим, многие из которых были изгнаны из разных стран. Изгнанию подверглись и иезуиты. Они были изгнаны из Португалии (1759 г.), Франции (1765 г.), из испанских колоний, а затем и из самой Испании (1767 г.) [9].

Таким образом, государственная власть по-новому структурировала социальные слои, формируя из них удобную социальную пирамиду, для проведения в жизнь своей политики, в том числе и в культуре.

В этой сфере государственному регулированию подверглось образование. С XVII в. в Англии появляются начальные школы в городах, заведующие которыми находились на государственном содержании. Они часто пренебрегали своими обязанностями, а в некоторых случаях закрывали школы и жили на средства, отпускаемые государством, как на собственные. Причина такого положения дел крылась в отсутствии централизованного управления школьным делом, систематического контроля со стороны государства.

Пока образование было делом частных лиц или даже церковных корпораций учебные заведения не имели строгих учебных программ, методик обучения разновозрастных учеников, не было деления классов по возрастам. Сословное деление общества отражалось и на системе образования, которое также носило сословный характер.

Королевские власти католических (Франция, Италия, Испания) и протестантских стран (Англия, Швеция, Швейцария, Норвегия и др.) в отношении к организации и содержанию процесса образования основывались на разных подходах. Там, где у власти стояли просвещенные монархи-протестанты, образованию народа уделялось больше внимания. Достаточно сравнить постановку дела образования в Нидерландах или Пруссии с Францией XVII в. Пруссия с 1662 г. поставила образование под контроль короля, указом которого были открыты школы в селах и городах. Прогрессивные методы обучения, разработанные преподавателем Геккером и внедренные в берлинской реальной школе и учительской семинарии, были усовершенствованы педагогом из Силезии Фельбигером. По прусскому образцу реформированы были и австрийские школы под руководством самого Фельбигера, которого для этой цели Мария-Терезия выпросила у Фридриха II. В Австрии в 1771 г. была открыта первая школа. В 1774 г. был издан первый школьный закон, вводивший обязательное начальное обучение, организацию школьной инспекции, провинциальные школьные комиссии. Предписывалось в каждой общине открыть начальную школу (чтение, письмо, счет) и в каждом округе – высшую школу. В одной Богемии было открыто за 4 года 500 школ. Пруссия в XVIII в. слывла страной «школ и казарм», в которой с 1717 г. начальное образование номинально было обязательным для детей всех сословий. В Швеции уже к половине XVII в. население было грамот-

но. В 1686 г. Карл XI запретил неграмотным жениться [10]. В Германии в XVIII в. плохо оплачиваемый деревенский учитель с университетским образованием встречался повсеместно.

После церковной реформы в Англии усилиями правительств часть доходов с упраздненных монастырей была направлена на организацию грамматических школ. С 1870 г. в Англии введено всеобщее начальное образование. Страна была разделена на школьные округа, школы существовали на местные налоги, плату родителей и правительственные субсидии. Была введена школьная администрация в округах [11].

Что касается университетского образования то и на него оказали влияние правительственные меры. Университеты открывались с разрешения папских властей и королей или мусульманских правителей (на территориях, завоеванных арабами). Выдаваемые ими дипломы имели указание: «Право преподавания повсеместно», то есть по всей Европе. Из 44 университетов, возникших до 1400 г., 21 был открыт на основании папских указов, остальные имели как папские, так и королевские разрешения [12].

До XVIII в. университеты были самоуправляемыми территориальными единицами в системе административного деления государств, посылали в парламенты своих представителей, что исключало какое-либо влияние со стороны государства, как на развитие системы образования, так и на его качество. Управление ими осуществлял Совет во главе с ректором. Профессора и студенты образовывали корпорации по образцу цеха, студенты должны были странствовать, подобно цеховым ремесленникам после определенного срока обучения. В деятельности университетов было много сходного также с жизнью монастырей: они существовали на доходы с земельных наделов (бенефициев) и оплаты церковных услуг (пребанд). По этой причине еще и в XVIII в. университетских преподавателей звали клириками. Обучение велось на латыни. Лица, не знавшие латыни, в университет не принимались.

Засилие религиозной проблематики, низкий уровень образования и интереса к науке со стороны университетских преподавателей, а также церковная цензура не давали возможности развивать научные знания в стенах университетов и университетских колледжей стран католической ориентации.

Что касается университетов стран, в которых Реформация привела к власти протестантские правительства, то в них скорее был осуществлен процесс централизации управления образованием. В чем это выражалось? Была ограничена самостоятельность университетов, так как за их деятельностью стали наблюдать чиновники и университетские судьи. Исчезли папские учредительные грамоты, церковный характер наделения учеными степенями, содержание профессоров на церковные бенефиции и связанный с этим клерикальный характер профессуры. Государственная опека стала выражаться в выплате стипендий и профессорских окладов, следовательно, экономически государство поставило себе на службу, как профессуру, так и сделало зависимыми студентов. Исчезло правило безбрачия профессоров. Отпала необходимость в странствиях студентов. Началось обновление содержания образовательного процесса в первую очередь в германских протестантских государствах, что было связано с притоком ученых в стены этих университетов [13].

Изменение в государственной образовательной политике привели к тому, что за период XVII-XVIII вв., усилилось научное содержание образовательных процессов. Образование стало более разнообразным по преподаваемым предметам; из исключительной привилегии отдельных слоев оно превратилось к середине XIX в. в общепринятую норму духовной жизни. Если в университетах протестантских стран усиливалась научная сторона преподавания, то в католических странах движение университетского образования к науке было прервано мерами Контрреформации, деятельностью коллегии иезуитов, возрастающим вмешательством церкви в дела университетов. В католических университетах возрастало число преподавателей теологии. Так, в Болонском университете Италии до 1550 г. существовала одна кафедра теологии, которая не всегда востребовалась. В 1550 г. теология вообще не преподавалась. К 1580 г. было уже три преподавательских места по теологическим предметам, к 1600 г. – шесть, к 1650 г. – девять. Насаждение теологических предметов и кафедр отмечено и в других университетах Италии. К концу XVII в. университеты этой страны с точки зрения развития передового научного знания стали отставать от североευропейских [14].

Наиболее передовыми из протестантских стран в XVII в. были голландские (в этой стране было 30 университетов), а с XVIII в. – германские университеты. В этой стране учебные заведения и ученые не испытывали на себе сильного давления ни администрации, ни реформированной церкви по причине децентрализации законодательной и исполнительной власти в государстве. Решения о запрете книг или каких-либо теорий принимали местные власти, поэтому можно было, переходя из города в город, найти среду со сходными убеждениями. Голландские ученые выступали зачинателями новшеств, курсов лекций, учебников. В то время, например, как идеи Декарта во Франции не находили официальной поддержки, в нидерландских университетах они активно пропагандировались. Сюда пересылались рукописи для издания, запрещенные на родине автора. Работы Мелье, Вольтера, Коперника и других выходили в этой стране, но часто под чужими именами. Сюда же стекались гонимые в своих странах ученые, студенты, желающие получить передовое по тем временам образование. В Лейдене с 1575 по 1834 гг. образование получили 4300 английских студентов; в XVIII в. доля шотландцев составляла одну треть студентов [15].

Таким образом, подводя итоги сказанному, следует отметить еще раз, что на развитие университетов оказало существенное влияние два фактора: Реформация и централизация государственного управления.

Научная деятельность также оказалась в поле зрения политики. Государственное влияние на развитие науки выразилось в решении королевских властей брать под опеку ее развитие и, тем самым, поощрять деятельность ученых, ставить их результаты на службу отечеству.

На период с XVI по начало XIX вв. приходится время оформления науки как социального института. Причины, которые повлияли на процесс превращения науки в социальный институт, с одной стороны, крылись в объективном развитии общественного производства, а с другой – в тех действиях политических сил, которые рассматривали научную деятельность как инструмент своего влияния на духовно-идеологическое состояние общества. Этому содействует развитие мануфактурного производства, благодаря которому оказались востребованными результаты научной деятельности особенно точных и естественных наук.

Для научного знания принципиальное значение имеет обмен информацией, установление творческих контактов в рамках стихийной или целенаправленной кооперации. Средневековые университеты, будучи опорой церковной догматики, не могли объединять людей, интересующихся наукой. Они могли объединить свои усилия только в рамках различных самостоятельных организаций, не связанных с церковью. Естественнонаучные исследования такие, например, как химия, физика, математика, описания и классификация видов животных и растений, кристаллография и другие, стояли в стороне от теологических схем познания. Поэтому становление элементов научного объяснения мира активнее шло именно в этих областях знаний. До середины XVII в. не существовало четко оформленной традиции позитивной экспериментальной науки, в рамках которой та или иная идея могла быть проверена и подтверждена независимыми экспертами. Господствовавшее гуманитарное знание не требовало экспериментальной проверки. Практика экспериментального доказательства выдвинутой идеи привела к совершенствованию научных приборов, созданию исследовательских технологий, систем понятий, записей данных и другому. В стихийное экспериментирование был вовлечен огромный круг людей, движимых сугубо интересами познания. Это были ремесленники, аптекари, врачи, философы и т.п. Швед Шееле – аптекарь и провизор – пишет книгу «Химические исследования о воздухе и огне» (1777 г.), на основе того, что в 1773 г. за год раньше англичанин Пристли, он «открывает» кислород. Немец Зулцер (1750 г.) – учитель гимназии в Берлине – открыл гальванические действия электричества. Поместив кончик языка между кусочком свинца и пластинкой серебра. Бесконечное число подобных экспериментов и наблюдений составило опытное поле естественных наук [16]. Так возникло размежевание двух областей производства научных идей: гуманитарных и естественнонаучных. Следует упомянуть о практической востребованности естественнонаучного знания мануфактурным производством. Ряд научных открытий, сделанных в разных областях (атмосферное давление, земное притяжение, сопротивляемость материалов, электричество, разного рода химические реакции и многое другое) сблизили теоретическую деятельность с повседневными занятиями. Таким образом, все это послужило полем развития естественных наук и предметом внимания королевских дворов к деятельности ученых, что и привело к созданию в Англии Королевского общества (1662 г.) которое затем станет прообразом Академий наук разных европейских стран [17].

Во Франции усилиями Ришелье в 1635 г. была создана Французская академия, а в 1666 г. – Академия наук во Франции; в 1700 г. – в Берлине. Власти проводят всевозможные конкурсы с награждением победителей. Основание этих учреждений положило начало развитию социального института науки, определяющего научные нормы и осуществляющего социальный контроль за их соблюдением.

Включение ученых в сферу политических интересов общества давало им протекцию властей, а ученым – престиж и материальное обеспечение. В XVII в. министры Людовика XIV выплачивали академикам персональные королевские пенсии по 1500-2000 ливров в год, причем иностранцам ранга Гюйгенса платили больше – 6000-9000 ливров в год. Число академиков и соответственно число пенсий было ограниченным, существовала градация пенсий. Так, старший – получал 3000 ливров, а двое более молодых его коллег делили пенсию старшего, получая 1800 и 1200 ливров. Академиками становились в зрелом возрасте. Математик Безо ждал свою пенсию 24 года, чтобы, получив свои 1200 ливров, умереть через год после этого события. Лежентиль ждал 32 года, но лишь после 60 лет его включили в список получавших пенсию. Поэтому академики преподавали в колледжах, привлекались к работе в гражданском инженерном корпусе, архитектурных, управленческих присутствиях, к участию в экзаменационных комиссиях, они возглавляли должности в армии и на флоте, были консультантами в новых видах промышленности, их привлекали в дома знати для участия в «обществах» и «салонах». Так, Лавуазье (химик) был сборщиком налогов, Лаплас (математик, астроном) был экзаменатором по артиллерии. В Англии ученые за выдающиеся заслуги могли получать премии, награды в виде королевских подарков, вплоть до особняков. Особняком от имени королевы был награжден Фарадей. [18].

Таким образом, на процессе становления социального института науки выявляется с особой очевидностью совпадение интересов политических властей и ученых.

Еще одним направлением в деятельности правительств становится огосударствление художественной

деятельности. Политики включали институты художественной культуры в свои идеологические планы. В. П. Грицевич пишет: «Умиротворитель Франции после длительных религиозных войн Генрих IV Бурбон (1589-1610) сформулировал далеко идущие планы политического, хозяйственного и культурного восстановления страны, среди которых видное место занимала система государственного покровительства науке, культуре и искусствам. Программу культурного возрождения Франции развили при его преемниках по престолу Людовик XIII и Людовик XIV, их министры, выдающиеся политики Арман Ришелье, Джулио Мазарини и Жан Батист Кольбер, посвятившие всю свою энергию высшим интересам французской абсолютной монархии» [19]. Каковы же те меры, которые осуществляли с этими намерениями политические деятели? В первую очередь это касалось цензуры. Цензура – явление древнейшее, что зафиксировано в сотнях учебных трактатов, энциклопедиях и словарях. Автор монографии о цензуре Г. В. Жирков приводит следующую периодизацию цензуры:

1. Эпоха, предшествовавшая изобретению книгопечатания, когда в руках церковной власти и университетов сосредоточивались права по наблюдению за правильностью переписки церковных и юридических книг;

2. Эпоха расцвета местной и ведомственной цензуры;

3. Эпоха государственно-полицейской цензуры;

4. Период замены предварительной цензуры – карательной;

5. Период замены цензуры карательной ответственностью по суду за преступления печати [20].

С эпохой абсолютизма связано внедрение в практику государственно-полицейской цензуры. Это соответствовало политическим и идейным целям упрочения властных полномочий, а также задачам охранительного порядка, внедрения в сознание масс определенных идейно-правовых установок. В этих целях в разных странах были созданы специальные службы, задачей которых был надзор за институтами культуры вообще и художественной, в частности. Известны частые случаи преследования писателей и уничтожение их книг. Дж. Мильтон в своей знаменитой книге «Ареопагитика» и в страстной речи в английском парламенте говорил: «Убить хорошую книгу – то же, что убить хорошего человека. Тот, кто убивает человека, убивает разумное создание, подобие Божие, но тот, кто уничтожает хорошую книгу, убивает самый разум, действительное, истинное подобие Божие...». Как известно, книги Мильтона были сожжены на костре в 1660 г., сам поэт был арестован и в течение месяца содержался в тюрьме [21]. В Англии закон о цензуре 1663 г. имел целью запретить печатанье мятежных и еретических сочинений, стихотворные памфлеты, сатирические пьесы по усмотрению цензоров могли быть приравнены к мятежным. Все, что имело отношение к политике государства, печаталось с разрешения государственного секретаря, все же другие издания с разрешения архиепископов. С 1696 г. подобная цензура была отменена, и каждому было разрешено печататься и публиковать любые материалы. Но рядом постановлений и законом о цензуре было ограничено число мастеров-печатников в королевстве до 20 человек, также как ограничено число печатных машин [22].

Во Франции помимо церковной цензуры за изданиями и театральными пьесами следила политическая полиция. Секретные службы отражали стремление абсолютизма установить всесторонний контроль за жизнью и деятельностью разных слоев населения, в том числе и за представителями творческих профессий. Секретная полицейская служба в Берлине появилась в 1742 г., во владениях австрийских Габсбургов в 1749 г. [23].

В определенной мере задачам осуществления государственного контроля за содержанием художественных произведений служило и законодательство, в частности, Закон об авторском праве. Первый закон об авторском праве был принят в Англии в 1709 г., так называемый статут королевы Анны. Вслед за Англией такой же закон был принят в Дании в 1741 г., в 1790 г. – в Северо-Американской республике США, в 1789 г. – во Франции [24]. Появление авторского права означало, что с этого момента произведение искусства приравнивалось к собственности, которая могла быть продана или сдана внаем. Кроме того, с точки зрения государственного надзора, упрощался контроль за использованием данного произведения, получением авторского вознаграждения, за распространением, продажей. Но главное – за принадлежностью его данному лицу – конкретному гражданину.

Влияние политического и идеологического характера осуществляется не только через введение цензуры и авторского права, но и через усиление государственного регулирования деятельности художественных организаций. В сфере художественной практики это было связано с появлением опекаемых королями (а в их лице – государством) художественных учреждений. В тех институтах, которые были взяты под опеку властей, вводились должности назначаемых управляющих, администраторов, директоров. Тем самым эти творческие коллективы лишались своего собственного местного управления.

Создание прецедента по организации государственных учреждений искусства принадлежит Франции. После разгрома Фронды (1653) в этой стране успешно шел процесс ликвидации остатков феодальной раздробленности. С начала самостоятельного правления Людовика XIV, то есть, с 60-х годов XVII в., в офи-

циальном искусстве происходят очень важные для его дальнейшего развития изменения. Оно включается в общий процесс регламентации, подчинения королевской власти и контроля с ее стороны, ко двору привлекаются выдающиеся писатели, художники, композиторы, актеры, архитекторы. Они должны быть включены в процесс пропаганды, возвеличивания и утверждения важнейших государственных задач: сплочения нации, утверждения идеи мощи государства, его процветания и блага. Подобная политика была продолжением линии, проводимой еще Ришелье и Людовиком XIII. Именно благодаря усилиям кардинала были предприняты первые шаги по организации огосударствления художественно-культурной деятельности. Это относится и к открытию в 1635 г. первой Французской Академии. И созданию Ришелье жюри из пяти «бессмертных» поэтов, которое должно было привлекать литераторов к освоению принципов классицизма художественного стиля, соответствовавшего идейным позициям абсолютизма. Поэтому мнению Ришелье зачастую было мнением Французской Академии. В ее задачи входило изучение французского языка, литературы, создание словаря и упорядочения грамматики. В нее избирались 40 литераторов-граждан Франции. Эта Академия была создана по образцу многочисленных общественных итальянских академий. Они, в свою очередь, создавались в период позднего Возрождения по аналогии с академией Платона [25].

Из истории литературы и драматического театра известно, какое влияние на дальнейшее творчество Корнеля имел коллективный разбор его пьесы «Сид» на заседании Французской академии [26]. В пьесе Корнель сделал попытку пересмотреть старую феодальную мораль с позиций гуманистической эстетики, гуманистического понимания свободы личности. В итоге главный герой оказался наделенным не столько добродетелью гражданского долга и преданности королю, сколько качествами независимой личности. В условиях борьбы с феодальной оппозицией и войны с Испанией воспевание свободы и независимости феодала-испанца служило как бы оправданием оппозиции королю. Более того, такие важные с нравственной и гражданской точек зрения проблемы решались драматургом не в жанре трагедии, которая считалась высоким жанром, достойным изображения королей и знати, а в жанре трагикомедии, что в корне противоречило требованиям субординации жанров.

Ришелье, на основании всего этого, дал указание Французской Академии осуществить подробный критический разбор пьесы, чему способствовало и множество индивидуальных критических замечаний в адрес пьесы, исходивших из окружения короля. Итог критического разбора был опубликован в начале 1638 г., в котором пьеса «Сид» в целом признавалась неудачной, как и ее сюжет, и развязка. Было также отмечено, что в пьесе имеется множество отступлений от поэтики классицизма, приведены в пример «неудачные» стихи трагедии.

Очевидно, что осуждение корнелевской пьесы Французской Академией по приказу Ришелье, было результатом разработанного плана подчинения искусства идеологическим задачам данной политической системы. Это вынудило Корнеля пересмотреть свои творческие позиции. В трагедии Корнеля «Гораций» – было уже точное соблюдение правила трех единств, строгий, мужественный слог, продумана рационалистическая конструкция, отсутствовали элементы трагикомедии [27].

Политика королевских властей распространяется и на изобразительную деятельность, (скульпторов, архитекторов и других представителей художественных профессий). Правительство Франции поддерживает инициативу одной из частных организаций, боровшейся с цехами, и создает на ее основе государственную структуру – Королевскую академию живописи и скульптуры (1648 г.). Ее некоторое время возглавлял «первый живописец короля» и директор мануфактуры гобеленов Шарль Лебрен. В 1671 г. по аналогии с ней организуется Академия архитектуры. Обе академии переходят в ведение первого министра короля, затем министра изящных искусств [28].

Таким же путем королевская власть во Франции, организует королевские театры. Следует иметь в виду, что, начиная с самых ранних этапов становления христианства театр, заимствованный у греков Римом, по мере падения его нравов терял свое высокое патриотическое, философское, интеллектуальное содержание, наполняясь грубым фарсом, открытыми непристойностями, а потому воспринимался зарождавшимся христианством, как греховное действие. Поэтому и актерское сословие было предано проклятию церковью. Актеров не венчали, после смерти не отпевали и не разрешали хоронить по обрядам христиан [29]. Такое отношение церкви привело к забвению позитивных актерских традиций и драматургии. Единственно, что постепенно возродилось, так это народное зрелище, ряжение, лицедейство, акробатика, жонглерство. Этим занимались бродячие комедианты. Постепенно и церковь стала использовать элементы театрализации во время церковных праздников. В условиях строгого сословного деления общества, когда сословное звание, род занятий, как и место жительства, составляли знаковые социальные характеристики человека, актерская профессия не значилась в числе престижных. Бродячие актеры подвергались гонениям не только со стороны церкви, но и местных властей. Поэтому, когда в разных государствах при королевских дворах начинают создаваться драматические или музыкальные театры, это в целом содействовало поднятию авторитете актерского труда и его профессионализации. Французский двор был самым авторитетным двором Западной Европы в XVII – XVIII вв. Ему подражали все европейские монархи. Поэтому вслед за Францией в других европейских странах создавались при дворах королевские театры. Немецкие придворные

театры появились в XVIII в. [30]. Так, венский театр Бург был основан императором Иосифом II в 1776 г., который принял под свое покровительство частную труппу. Император огромной Австро-венгерской империи поручил актеру Миллеру проехать по Германии и собрать наиболее талантливых актеров, ознакомиться с театральным репертуаром, чтобы создать театр [31].

При королевских театрах создавались школы. Короли субсидировали театры, строили для них роскошные здания, предоставляли им монопольное право на данный вид деятельности. Каковы же были ограничения свободы деятельности театров?

Правительство вмешивалось в святую театра – в его репертуарную политику. Оно определяло репертуар театра (комедию, драму и трагедию). Театр должен был поставить на сцене 4 новые большие пьесы и 5 одноактных, исполнить 6 пьес классического репертуара. Иметь свободную ложу для министра изящных искусств, устраивать бесплатные спектакли, когда потребует министр, быть к услугам консерватории (школы обучения певческому мастерству и декламации). Цены на билеты устанавливались с ведома министра, не допускалось, чтобы в спектаклях играли дети актеров. Существовали и другие ограничения [32]. Королевские или императорские театры появились в Швеции, Дании, России и других странах.

В художественном образовании также происходили изменения, связанные с формированием унифицированно-подготовленных кадров, способных усваивать определенные технические приемы художественного ремесла, приносить в свои произведения те или иные общественно значимые идеалы и нравственные установки, продиктованные художественной критикой и востребованные господствующими эстетическими идеалами. Организация обучения и совершенствования художественного мастерства становятся с появлением академий и специальных государственных структур (министр изящных искусств) предметом государственного влияния.

Королевская академия живописи и скульптуры, Академия архитектуры, осуществляли подготовку художественных кадров, проводили конкурсы, в результате победы на которых дипломанты получали академические премии, в том числе и для поездок в Италию. Надзор за стажировкой возлагался на специально созданную в Риме организацию, являвшуюся учебной базой. Директоров назначал королевский двор.

Музейная деятельность также включается в систему политико-культурной практики. Придание статуса государственности этим художественно-культурным учреждениям рассматривалось как демонстрация богатства особого рода, увековечивающего данную власть в формах прекрасного. Вошедшее в моду в эпоху Возрождения в Италии коллекционирование предметов античной культуры, появление знатоков, изучавших античные раритеты стало распространяться и на произведения искусства мастеров разных эпох. Во Франции особенно много для славы королевских коллекций сделали кардиналы Ришелье, Мазарини, первый министр Ж. Б. Кольбер. Он устроил Королевский кабинет (живописи) и кабинет антиков в Лувре. Художественные коллекции при Людовике XIV были относительно легко доступны для знати и художников. Английские короли также приобретали коллекции в Италии. Богатые коллекции испанских монархов передавались по наследству [33]. Коллекционирование входило в моду. Коллекционерами были члены царских семей, феодальная знать, банкиры, богатые купцы, крупные религиозные деятели, имевшими средства на приобретение антиквариата и дорогостоящих произведений, в первую очередь, итальянских мастеров.

Пополнению музеев способствовали колониальные войны, в ходе которых королевские дворы получили возможность восполнять свои коллекции трофейными художественно-этнографическими изделиями, элементами архитектурных ансамблей. Это, безусловно, влияло на мироощущение определенных кругов, подогревая чувство национальной и интеллектуальной исключительности, расширяя границы художественно-культурного знания.

В итоге художественная жизнь должна была ориентироваться на нормы, утверждаемые властями. Этому же с определенного времени стали содействовать статьи в газетах и журналах, книги, научные труды, освещающие теоретические проблемы искусства, споры вокруг тех или иных театральных, музыкальных, художественных явлений. Так, обзоры художественных выставок, устраиваемых ежегодно в Лувре в специально отведенном салоне, начало которому было положено членами королевской семьи. Обзоры выставок публиковались в журнале «Салоны», выходившем с 1759 г. Участие французских художников в выставках, устраиваемых в Салоне, означало не только признание властями их творчества, но и широкое общественное признание. Победители награждались медалями от лица правительства [34].

Таким образом, в данной статье были рассмотрены меры, с помощью которых властные структуры ставили на службу государственным интересам общества ранее свободных создателей культурных ценностей, превращая их в социальные институты и поддерживая их развитие.

Литература:

1. Гришаев Т. А., Соколов Е. Н. и др. Национально-культурная политика в Российской Федерации/Ориентиры культурной политики № 1. 1994. -С.3-25; Перепелкин Л., Размустова Т. Культурная политика и культурное разнообразие в современной России/Ориентиры культурной политики. № 6. -2003.; Культура и культурная политика в России/Отв. Ред. Бутенко И. А., К.Э. Разлогов.– М., 200.; Каменец А. В. Концептуальные основы культурной политики. – М, 2005.
2. Тарле Е. П. Падение абсолютизма в Западной Европе.– М.,1924; Ардашев П. Н. Абсолютная монархия на Западе. – СПб., 1902; Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время. Т. 1- III. 3-е изд. – М., 1904; Вульфийус А. Г. Западная Европа в Новое время. – Пг., 1920; Писковский В. К. Экономическая история Западной Европы в Новое время. - Казань, 1907.
3. Зеворт Э. История нового времени (XVI – XVIII ст.). – Киев, 1883, с.8-9, 14-16.
4. Сен-Симон. Мемуары. В 2-х т. – М., 1934; Рат-Веж И. История человеческой глупости. – Дубна, 1996; Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета. – Л., 1990; Рогинская А. Е. Очерки по истории Франции XVII-XVIII вв. – М., 1958.
5. Рогинская, А. Е. Указ. соч., с.18-19, 30.
6. Ардашев П. Н. Абсолютные монархии на Западе.– СПб., 1902, с. 92.
7. Бэр А. Всемирная история торговли. Часть.2.– М.,1876, с. 126.
8. Барг М. А. Кромвель и его время. – М., 1950, с. 56; Тревельн Д. М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий. – М., 1959, с.131,136.
9. Атеистический словарь – М., 1985, с. 166 – 167, 306.
10. См. Соколов П. П. История педагогических систем. – Пг., 1916; Корнетов Г.Б. Всемирная история педагогики. – М., 1994
11. Быкова А. О Англия и англичане, их прошлое и настоящее.– Ростов/на-Дону, б/г., с.12.
12. Ивановский В.Н. Народное образование и университеты в средние века.– М., 1898, с.26.
13. История становления науки. Некоторые проблемы. – М., 1981, с. 86.
14. Там же, с. 88.
15. Там же.
16. XIX век. Обзор науки, техники и политических событий. – СПб., 1900, 2-3, 16-17.
17. История становления науки. Некоторые проблемы. – М., 1981, с. 189.
18. Там же, с. 196.
19. Грицкевич В. П. История музейного дела до конца XVIII в. В 2-х кн. Ч.2.– СПб., 2001, с.189,198.
20. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX-XX вв.– М., 2001, с. 4.
21. Там же, с. 5.
22. Тревельян Д. М. Цит.соч., с. 283.
23. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.
24. Баркер Р., Эскарпи Р. Жажда чтения. – М., 1990, с. 120, 121.
25. История зарубежного искусства. Изд. 4-е. Под ред. М. Т. Кузьминой, Н. П. Мальцевой. – М., 1984, с. 193.
26. История западноевропейского театра в 5-ти т., с. 259.
27. История зарубежного искусства, с. 193.
28. История западноевропейского театра в 5-ти т. Т. 1, с. 257.
29. Там же.
30. Грицкевич В. П. История музейного дела до конца XVIII в. Ч.2, с. 172
31. Крылов В. Очерки театрального дела в Европе// Русская мысль. Т.IX –Б/г, с. 25-26.
32. Там же.
33. Грицкевич В. П. Цит. соч., с. 199-202.
34. Энгр об искусстве. – М., 1982, с. 106.